

ИТАЛЬЯНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В МЕМУАРНЫХ КНИГАХ Б.К.ЗАЙЦЕВА «МОСКВА» И «ДАЛЕКОЕ»

© 2014 Е.Г.Бикеева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П.Огарева

Статья поступила в редакцию 18.11.2013

Статья посвящена рассмотрению итальянских реминисценций в книгах Б.К.Зайцева «Москва» и «Далекое». Показано, как в мемуарном повествовании развивается одна из излюбленных тем писателя, связанная с итальянским искусством, прежде всего с творчеством Данте и Петрарки, в судьбах которых он находит созвучие со своей судьбой изгнанника. С опорой на бахтинскую концепцию «чужого» слова в статье также рассмотрены и выделены аллюзии, цитаты т.д., отсылающие к творчеству величайших художников и деятелей культуры Италии. Данное исследование позволяет показать своеобразие построения повествования в мемуарной прозе Б.К.Зайцева, а также раскрыть место и роль реминисценций, связанных с использованием «чужого» слова, что позволит дополнить представление о поэтологическом своеобразии прозы писателя в целом.

Ключевые слова: поэтика, писатель, «чужое» слово, реминисценция, цитата, аллюзия, культура, эмиграция, автор, повествование.

Реминисценция представляет собой элемент структуры повествования, вызывающая воспоминания о «своем» или «чужом» тексте. Реминисценция, как правило, отсылает автора, осознанно, а нередко и интуитивно, к своему или чужому произведению, другому автору, обогащая вновь создаваемый текст дополнительными мотивами и аллюзиями, и повествование начинает «играть» новыми смыслами, оттенками смыслов, придавая ему особую глубину и яркость.

В повествовательной структуре мемуарных книг Б.К.Зайцева «Москва» и «Далекое» значительное место занимают реминисценции, связанные с Италией, итальянским искусством. Это – аллюзии, цитаты, литературные ассоциации, а также биографические параллели. В предисловии к «Далекому» Б.К.Зайцев пишет: «Большая часть книги – о России, но в конце и об Италии. Без нее трудно обойтись автору, слишком она в него вошла...»¹. Писатель ставит в один ряд Россию и Италию, и очевидно, что для него Италия – особое явление – предмет любви и преклонения, почти равный по своей значимости покинутой к тому времени родине.

Называя себя «италофилом», Б.К.Зайцев ставит себя в один ряд с великими русскими писателями, которые, как и он, некогда были очарованы, этой страной и ее искусством, в первую очередь. «С давнего времени – с эпохи

Гоголя, Жуковского, Тютчева, Тургенева и до наших дней, – пишет Б.К.Зайцев, – тянется вереница русских, прельщенных Италией, явившейся безмолвно и нешумно в русскую литературу и культуру, – по некоему странному, казалось бы, созвучию, несмотря на видимую противоположность стран»². Это «странное созвучие» обнаруживается в мемуарных книгах Б.К.Зайцева на уровне мотивов, биографических и исторических параллелей, составляющих особенности их композиционного построения, а также цитат и афоризмов на русском, итальянском и латинском языках, собственных переводов терцин из «Божественной комедии», органично включенных в мемуарное повествование.

Тема Италии входит в мемуарное пространство книги «Москва» словами: «Той зимой жили мы в Риме». Речь идет о зиме 1909 – 1910 гг., когда чета Зайцевых совершила первую поездку в Италию. Здесь все овеяно самыми первыми, яркими и счастливыми моментами жизни самого писателя, его влюбленностью в жизнь, в молодую жену, освящено светлыми надеждами на будущую долгую и счастливую жизнь. Италия и счастье становятся почти синонимами. Это – первое, светлое и радостное воспоминание мемуариста, вводит в повествование тему Италии и ее культуры.

Далее, в главе «Studio Italiano» («Итальянское общество») рассказывается об обществе любителей итальянской культуры, которое было открыто в 1918 г. в Москве и называлось оно «Институт Итальянской культуры». В состав учредителей Общества, помимо самого

⁰ Бикеева Екатерина Григорьевна, учитель средней общеобразовательной школы № 39, Саранск. Аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы. E-mail: lcenok06@mail.ru

¹ Зайцев Б.К. Собрание сочинений. В 3 т. – М.: 1993. – Т. 3. – С. 342.

² Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 3. – С. 342.

Б.Зайцева, входили Брюсов, Вяч. Иванов, Бальмонт, Грабарь. В Лавке Писателей, где проходили собрания членов этого общества трудной зимой 1920 – 1921 гг., звучали лекции о Венеции, Флоренции, о творчестве Данте и Рафаэля. Сам мемуарист вспоминает: «Убогий быт Москвы, разобранные заборы, тропинки через целые кварталы, люди с салазками, очереди к пайкам, примус («Михаил Михайлович, верный мой примус!»), «пшенка» без масла и сахара, на которую и взглянуть мерзко. Именно вот тогда я довольно много читал Петрарку, том «Canzoniere» в белом пергаментном корешке, который купил некогда во Флоренции...»³. В это трудное для Б.К.Зайцева время, он все чаще обращается к образу Данте, и к его поэзии: «... и над убогой жизнью дантовский орел, подобный виденному у венца Афона. Прораял – все к себе поднял»⁴. В этой главе к одному из разделов – «Данте у скифов» дается эпиграф из Данте в переводе самого Б.К.Зайцева:

На половине странствий нашей жизни
Я оказался в некоем темном лесу,
Ибо с праведного пути сбился.
О, сколь трудно рассказать об этом
Диком лесу, страшном и непроходимом,
Наводящем ужас при одном воспоминании! (Ад.
Стихи 1 – 9).

Жизнь в замерзающей и полуголодной Москве начала 1920-х гг. ассоциативно вызывает у мемуариста строки из начала «Божественной комедии»: ужас от утраты всего, что было дорого и казалось неизбежным, потеря дальнейшего пути, будущую разлуку с родиной... Здесь интонации меняются и отсылка к Данте становится предвестием грядущих не очень радостных перемен в жизни самого мемуариста... Уже в другой книге мемуаров – в «Далеком» мы встречаем как бы продолжение этой мысли: «Тридцать три года – время человеку созреть, да и умереть. Мир сотрясаясь, государства перестраивались. Новые смерчи возникали, проходили»⁵. «Половина странствий нашей жизни» – это и есть время человеческой зрелости, по мысли Данте. И здесь же в «Далеком» – Марк Аврелий: «Пока было светло, читал, сидя на пенечке, своего Марка Аврелия. «Судьба загадочна, а слава недостоверна...» Писано это тоже в палатке, в какой-нибудь дикой Паннонии, Дакии. И как волнуют слова, две тысячи лет нацарапанные холодным зимним вечером, при свете факела... Слово, великое наше слово!»⁶. Этими словами Б.К.Зайцев обращается к разработке важнейшего мотива своих мемуарных

книг – судьба поэта и гражданина своей страны и изгнание. Размышления о жизни Данте и Петрарки все время возвращают его мысль к собственной судьбе изгнанника. «Я был зачат в изгнании и родился в изгнании», – сказал он о себе. Биограф добавляет: «Он и остался изгнанником»⁷. Это – Петрарке. В книге «Москва» описание сурового быта, «пшенки», тусклого электричества, всяческой неустроенности и хлопот о выезде из России, то и дело вызывают ассоциации с вынужденным бегством Данте из Флоренции. «Облик Орла – это гений в изгнании, нищете и бездомности. Данте был флорентийский дворянин. Жил в своем доме, обладал достатком. Гражданские усобицы разметали все. Он потерял семью, Флоренцию, родную землю. Скитался в Северной Италии учителем литературы, полуприживальщиком сильных мира сего, написал великое творение»⁸. Строки эти были написаны уже в эмиграции, когда «загадочная» и «недостоверная» судьба уже разметала по миру многих из тех, кого знал Б.К.Зайцев в России. Да и он сам – уже добровольный изгнанник, живущий на чужой земле.

Размышления о судьбе Данте нередко выражены посредством аллюзии: «Он жил в век гражданских войн. Сам был изгнанником. Самому грозила смерть в случае, если бы ступил на родную землю, флорентийскую (сожгли бы его – igne comburatur, sic quod moriatur). «Божественная комедия» почти вся написана в изгнании». В сознании мемуариста Данте ассоциируется с образом орла – с гордой, независимой, красивой птицей, обитательницей горных вершин, недосыгаемых для других... Одновременно Орел у Данте в «Божественной комедии» – символ будущей Римской Империи – идеального теократического государства. О таком государстве мечтал великий итальянец (См.: Данте. Божественная комедия. Рай. Стихи 18 – 20).

В обеих книгах мемуаров по мере развертывания повествования Б.К.Зайцев проводит параллели: явные и скрытые. Говоря о Данте, он, как бы подразумевает самого себя, – «жил в своем доме, обладал достатком», но гражданские нестроения «разметали все»... При этом мемуарист нередко пытается представить себе, как бы воспринял великий итальянец события в России: «Что если бы теперь Данте явился бы на Кисловоках и Арбатах времен «великих исторических событий»? <...> Удивила бы открытость и развязность богохульства. Но борьба классов, диктатура, казни, насилия – вряд ли остановили внимание. Флоренция его века знала popolo grasso (буржуазия) и popolo minuto (пролетариат) и их вражду. Борьба тоже быва-

³ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 460.

⁴ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 461.

⁵ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 3. – С. 464.

⁶ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 458.

⁷ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 3. – С. 466.

⁸ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 463.

ла не из легких. Тоже жгли, грабили и резали. Тоже друг друга усмиряли»⁹.

Краткое «биографическое эссе» жизни Данте дополняется у Б.К.Зайцева психологическим портретом великого флорентийца: «Труднее всего было ему одолевать свой гнев и гордость. Он ненавидел «подлое», плебейское, в каком бы виде ни являлось оно. Много натерпелся от хамства разжиревших маленьких «царьков» Италии. Не меньше презирал и демагогов. Что стало бы с ним, если бы пришлось ему увидеть нового «царя» скифской земли...?»¹⁰. Психологический портрет Данте, в сущности, предстает здесь у Б.К.Зайцева аллюзией, в которой угадывается он сам, а завершается портретом другого, неназванного по имени лица – нового «царя» скифской земли – «с калмыцкими глазами, взглядом зверя, упряма и сумасшедшего»¹¹.

Итальянские мотивы в главе «Интермеццо» («Москва») продолжают в следующем за этим небольшом этюде под названием «Федерико да Монтефельтро», очень выразительном по своей философской сути, в котором в метафорическом ключе Б.К.Зайцев рассуждает о русской революции, о своем поколении и о себе. «Да, Италия и красота много помогли пережить страшное время. И, развертывая книгу, сейчас ощущаешь сразу три эпохи русского человека, первую, мирно-довоенную, поэтическую, когда Италия входила золотым светом. Вторую, трагическую, – в ужасе, ярости и безобразии жизни она была единственным как бы прибежищем. Рафаэль и божественная империя, Парнас и музы Ватикан умеряли бешенство скифа. Вот теперь – третья...»¹². Три фазы насчитывает автор-повествователь и в своей жизни – «мирно-поэтическое» довоенное время, «трагическую», когда Италия, Данте, Рафаэль стали единственным прибежищем, и третья – сама жизнь. Здесь Зайцев-литератор, Зайцев-поклонник итальянского искусства и эстет преобладает.

Одной из важнейших форм реминисценций в повествовательной структуре мемуаров Б.К.Зайцева, выступает и так называемое «чужое» или неавторское слово Проблема «чужого» слова, как известно, была поставлена и рассмотрена М.М.Бахтиным в ряде его работ, посвященных романному слову. Обобщая положения, выдвинутые в свое время ученым, можно сказать, что согласно его концепции в романе присутствуют два типа слов – «изображающее» и «изображенное». Первый тип реализует речь повествователя и второй – речь героев, то есть «чужую» по отношению к повествователю речь. Таким

образом, «чужим» словом является слово другого лица, не автора, или неавторское слово, введенное в текст романа.

В основе взаимодействия «своего» и «чужого» слов, считал М.М.Бахтин, лежат диалогические отношения самих высказываний, в которых раскрываются смысловые позиции автора и его героев. Для данной статьи особенно важным следует считать бахтинское утверждение, что «диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию, к отдельным его частям и к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним»¹³. То есть, многие слова в повествовании могут быть не только обращены к читателю – «однонаправленное» слово, но и направлены автором как бы и на самого себя, и таким образом, они становятся двуголосыми словами. Со всем основанием можно применить данную концепцию к повествованию в мемуарном жанре, в котором автор мемуаров, ведя диалог самим с собой с разных временных позиций, или «точек зрения» (Б.А.Успенский), вольно или невольно, расставляет существенно важные акценты, вводя, таким образом, свое слово в диалогический контекст со словами других героев.

Таким диалогическим контекстом обладает, в частности, эпиграф из Данте в собственном зайцевском переводе, о котором уже упоминалось. С одной стороны, эпиграф – элемент композиции произведения, но одновременно нередко это и примеры «чужого» слова, цитирования, ведущего за собой реминисценции и аллюзии. Б.К.Зайцев не прибегает к многочисленному использованию эпиграфа, но каждый раз эпиграф оправдан, целесообразен и, что особенно важно при рассмотрении проблемы реминисценций, представляет собой пример одной из ее форм. В диалогический контекст вводит читателя, например, и интертекстуальная ситуация в следующих словах мемуариста: «Пусть ведет вечный Вергилий. Началось сходжение в горький мир, в «темный лес». Да будет благословенна поэзия. Не забыть Аполлона, не забыть Рафаэля»¹⁴.

Обращает на себя внимание и стремление автора мемуаров, по возможности, обращаться к латинскому и итальянскому языкам. Это и слова на латинском – «igne comburator, sic quod moriator», название книги стихов Петрарки – «Canzonieri», латинские названия сословий – «populo grasso» – верхушка народа (буржуазия) и «populo minuto» – плебс (про-

⁹ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 462.

¹⁰ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 463.

¹¹ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2.

¹² Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 465.

¹³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: 1972. – С. 315.

¹⁴ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 465.

летариат). Эти сословные название Б.К.Зайцев активно вводит в свой текст: «Было это во время так называемого «восстания Чиомпи»...»¹⁵. Русская революция вызывает воспоминания об истории Флоренции – восстание против партии гвельфов в 1378 г., из-за которого Данте и покинул Флоренцию навечно, упокоившись в Равенне, в изгнании.

Итальянская тема и композиционно завершает книгу Б.К.Зайцева «Далекое». К главе «Отплытие», в которой как бы ставится точка всем воспоминаниям об Италии, эпиграф на латинском: «Requiem aeternam...»: «Мы тогдашние гости тогдашнего Рима, разъехались по домам – кто в Париж, кто в Германию, Чехословакию. Ничьи судьбы, слава Создателю, от нас не зависели: ни народов, ни государств»¹⁶. Слова из католической заупокойной мессы – «вечный покой...» – говорят о прощании с Италией... «Далекое» завершает серия этюдов об итальянских городах – Мантуе, Урбино, Кортоне, Орвието. Очарование Италией заканчивается вместе с самой жизнью: «Да будет благословенно искусство. Да будут прославлены мировой славой художники, верно и честно творившие. Да будет благословенна Италия, родина их, страна доброго и ласкового народа, простая и очаровательная. Да будет благословен вечный свет ее, милый говор народа, плеск ее морей, синеющая даль Тосканы, вечный вид на Флоренцию...»¹⁷.

Итак, итальянские реминисценции и аллюзии в мемуарных книгах Б.К.Зайцева занимают важное место. Благодаря их введению в повествование на структурном, речевом, смыслообразующем уровнях, в архитектурно-композиционной структуре произведения появляется ситуация выбора, связанная с полярностью «художественных языков», порой прямо противоположных друг другу. Но в этой противоположности, в противопоставлении и начинается

проявляться целостность авторской позиции мемуариста в отношении искусства, друзей и недругов, любви и привязанностей, любимых поэтов – самой жизни...

Итальянские реминисценции в мемуарах Б.К.Зайцева, как правило, осознаны, а не случайны. Они намеренно вводятся писателем в собственное повествование для усиления авторской рефлексии прожитого и пережитого. Это и аналогии с чужой биографией, с мировоззрением «другого», «чужой» речью, чем, в результате, достигается полнота «портрета эпохи», и один из главных мотивов обеих книг – мотив изгнания получает особое звучание, как бы «удваиваясь» в сознании автора-повествователя через многочисленные аллюзии. Введение реминисценций – черта, во многом характерная для поэтики мемуарной прозы Б.К.Зайцева, поскольку в его книгах воспоминаний можно найти не только обращение к истории и культуре Италии, но к творчеству Л.Н.Толстого и аллюзии на героев его романа «Война и мир», к прозе писателей-современников, цитаты из Библии и т.д. Все это – черты так называемого «события рассказывания» – общения автора-повествователя с читателем, которое осуществляется посредством определенной речевой структуры. Такая речевая ткань может быть типичной для того или иного жанра, в том числе и мемуарного, в котором установка на диалогичность – одна из важнейших черт. Это и диалог со временем, диалог с самим собой, диалог с читателем. В мемуарной прозе Б.К.Зайцева «типичность» такой речевой ткани окрашена еще и личностью автора-мемуариста, его живой заинтересованностью, эмоциональной отзывчивостью, искренней любовью к Италии и ее искусству.

¹⁵ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 2. – С. 462.

¹⁶ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... –Т.3. – С. 464.

¹⁷ Зайцев Б.К. Собрание сочинений: .... – Т. 3. – С. 482.

ITALIAN REMINISCENCES IN ZAYTSEV' MEMOIRS "MOSKVA" AND "DALEKOE"

© 2014 E.G.Bikeeva^o

N.P.Ogarev Mordovia State University

The article is devoted to the research of Italian reminiscences in Zaytsev's memoirs "Moskva" and "Dalekoe". The article shows the favorite theme of the writer – Italy and its art, especially the creative work of Dante and Petrarch. Through their fates he reviews the theme of his own exile. On the ground of Bachtin' theory of "chuzhoe slovo" the author of the article singles out allusions, quotations etc., connected with the creative legacy of the greatest Italian artists. The study compliments the overall picture of the poetics of Zaytsev' memoirs.

Key words: memoirs, poetics, writer, "chuzhoe slovo", reminiscence, allusion, quotation, culture, emigration, author, narration.

^o Ekaterina Grigoryevna Bikeeva, Saransk secondary comprehensive school №39, teacher.

Postgraduate student of Department of Russian and foreign literature. E-mail: lvenok06@mail.ru